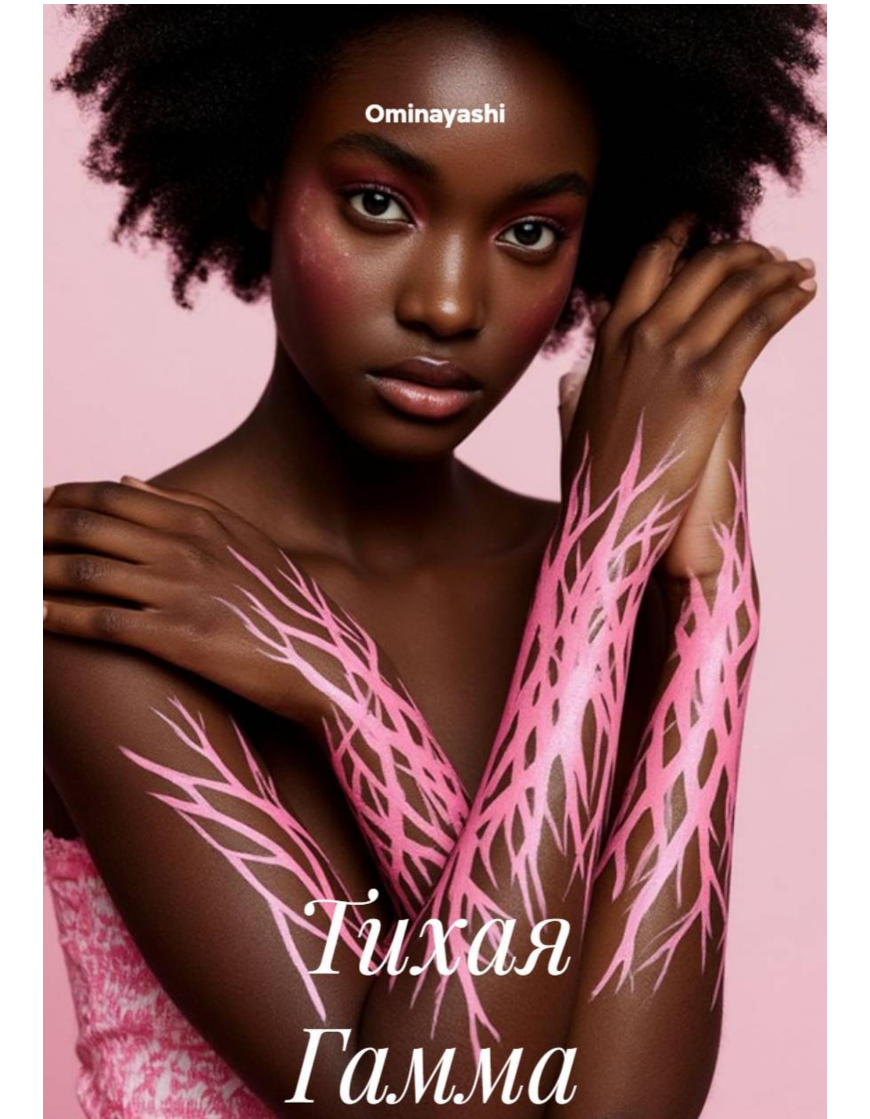

Ominayashi

*Тихая
Гамма*

Ominayashi Ominayashi

Тихая Гамма

<https://litres.ru/74677462>

SelfPub; 2026

Аннотация

На планете с двумя солнцами и серебряной травой, которая колыхнется не от ветра, а от собственного желания, встречаются последние представители двух погибших миров. Лили — ольхийка, чей народ потерял родную планету, съеденную своей звездой, и теперь ищет новый дом; она умеет слушать землю, разговаривать с травой и чувствовать дыхание мира между вдохом и выдохом. Грэм — грайсец, пришедший с планеты-конструктора, где всё подчинено Уставу, плану и измеримым результатам; он первым «объявил» Гамму-1369 своей и потянул периметр из четырёх столбиков. Их первая встреча — обмен репликами в духе «это не ваш день» — обещает вечную войну: он хочет строить, она хочет слышать. Но живая планета, где дождь идёт снизу вверх, а холмы дышат, оказывается не объектом, а собеседником — и двое чужаков, споря, строя и ошибаясь, учатся слышать не только её, но и друг друга. Тёплая философская фантастика о том, как на пустой пригодной земле вырастает не колония, а дом.

Ominayashi

Тихая Гамма

Тихая Гамма

Глава 1, в которой Лили приземляется не туда и не тогда

Лили всегда считала, что умеет приземляться. Умеет — это, конечно, мягко сказано. Её корабль «Колыбель-7» был рассчитан на посадку в условиях, которые в справочнике скромно значились как «умеренно пригодные», а на деле означали: ну, там есть что-то вроде твёрдой поверхности, и это уже хорошо.

Планета Гамма-1369 в справочнике значилась как «умеренно пригодная». Лили прочитала это ровно один раз, в пути, между завтраком и третьим циклом медитации, и решила, что умеренно — это отлично. Умеренно — значит, не катастрофически. Она летела к умеренной жизни, и это её устраивало, потому что катастрофической она уже пожила.

Её народ — ольхийцы — происходил с планеты Олья, которую давно и безвозвратно сожрала собственная звезда. Это звучит романтично, если не знать, что звезда сожрала Олью не сразу, а постепенно, в течение трёх поколений медленно поджаривая атмосферу, так что каждый ольхиец старше ста лет носил на коже узор из световых ожогов, похожий

на старинные кружева. Лили было сто двенадцать, и узор у неё был особенно изящный — тонкие веточки по предплечьям, розовые и белые, словно кто-то нарисовал их на ней акварелью.

Ольхийцы были народом тихим. Они любили согласие, тишину, медленные песни и долгие переговоры. Их философия сводилась к простой формуле: если можно договориться — договаривайся; если нельзя — подожди; если ждать некогда — уходи. К моменту, когда ждать стало некогда, большинство ольхийцев уже разлетелись по разным концам галактики, и каждый нёс с собой в кармане маленький камешек с Ольхи — на память о месте, где тишина была полной, а не умеренной.

«Колыбель-7» вошла в атмосферу Гаммы-1369 на рассвете. Лили увидела рассвет через иллюминатор и поняла, что слово «умеренно» было, пожалуй, самым неточным в справочнике.

Небо здесь было цвета спелого инжира — тёмно-фиолетовое снизу, переходящее в рыжее, а потом в бледно-золотое у горизонта. Не розовое и не красное, как на Ольхе, а именно золотое — так светится старый янтарь, если посмотреть на него на просвет. Два солнца поднимались одновременно: одно маленькое и яростно-белое, второе огромное и лениво-оранжевое, и они словно соревновались, кто первым доберётся до зенита. Судя по тому, как медленно двигалось большое, маленькое выигрывало.

Под облаками расстилалась равнина. Не плоская, нет — волнистая, как будто кто-то взял огромную скатерть и встряхнул её, но не до конца, так что складки остались. Складки поросли чем-то, что можно было бы назвать травой, если бы трава была серебристой и колыхалась не от ветра, а, казалось, от собственного желания. Это была не трава. Лили знала это, потому что её датчики уже заработали, но глаз упорно видел именно траву — серебряную, мягкую, доходящую до самого горизонта.

Корабль сел с тем характерным звуком, который означает «всё нормально, но не расслабляйся». Лили вышла.

Первое, что она почувствовала, был запах. Он был как... ну, представьте себе запах земли после дождя, но если бы дождь был из тёплого молока, а земля — из чего-то, чему нет названия в ольхийском языке. Сладковатый, густой, с лёгкой горчинкой на выдохе. Лили чихнула, и серебряная трава вокруг неё испуганно отпрянула.

— Извини, — сказала Лили траве.

Трава не ответила, но вроде бы успокоилась и снова колыхнулась.

Второе, что она почувствовала, — что здесь уже кто-то есть.

Это было не видно. Не слышно. Не обоняемо. Просто — знание, которое приходит к ольхийцам между вдохом и выдохом: ощущение присутствия. Где-то на этой планете, за холмами, за серебряными полями, за двумя солнцами, под-

нимающимися в инжирном небе, кто-то стоял и тоже смотрел на небо. И тоже думал: «умеренно пригодная».

Лили поправила сумку с ольхийским камнем в кармане и пошла искать этого кого-то.

Глава 2, в которой Грэм уже здесь, и это его раздражает

Грэм прибыл на Гамму-1369 за четырехдневный цикл до Лили, что считал несправедливым, потому что четыре дня — это время, за которое можно было бы всё устроить, если бы планета сотрудничала.

Планета не сотрудничала.

Народ Грэма — грайсцы — был народом решительным. Три слова, которые грайсцы произносили чаще всего, были: «распакуй», «установи» и «подпиши». Их родная планета Граис была не столько планетой, сколько большим конструктором, который они собирали и разбирали каждые двести лет, переезжая с одной тектонической плиты на другую. Когда Граис начал разваливаться быстрее, чем они успевали его собирать, Великий Совет постановил: пора искать новое место. Грэм был в первой волне разведчиков.

Грэм был высоким — по грайским меркам — и широкоплечим — по любым меркам. Его кожа имела цвет тёплого серого камня, а глаза — два разных: правый жёлтый, как у ястреба, левый — серый, как у всех грайсцев. Эта гетерохромия считалась у грайсцев недостатком, но Грэм носил её как

знак отличия. «Один глаз смотрит за всех, — говорил он, — другой — отдельно». Ему было сто сорок, что по грайсским меркам было молодостью, и он намеревался прожить эту молодость на новой планете, на своей новой планете, в одиночестве и комфорте.

Комфорт, впрочем, не шёл.

Грэм выбрал для базы холм — самый высокий из складок той самой скатерти-равнины. С холма было видно всё: серебряные поля, бледно-золотое небо (два солнца раздражали, потому что отбрасывали две тени, и он не мог понять, какая из них настоящая), рощу невысоких деревьев с фиолетовой корой и что-то вроде ручья, который не журчал, а скорее мурлыкал — низким, грудным звуком, как сытый кот.

Он расставил модуль базы за один день. Подпёр конструкцию балками, проверил уровень, натянул маркизу (грайсцы всегда ставят маркизу — это привычка, от которой невозможно избавиться, даже когда ты за четыре тысячи парсеков от дома). Сел в складное кресло, поставил на колени планшет с картой и начал планировать.

План был простой: он будет жить здесь. Он будет жить здесь один. Он будет жить здесь так, как жил на Граисе: по расписанию, по грайсскому обычаю, по закону, который гласит: каждый делает своё дело, не мешает другому, а если другой мешает — есть статья в уставе, которая это регулирует.

На третий день он обнаружил, что серебряная трава растёт в его модуле.

Он запечатал щели. Трава выросла через пол.

Он обработал пол герметиком. Трава прошла сквозь герметик, словно его не было.

Он обработал пол герметиком второй раз и поставил на него ящик. Трава обошла ящик, поднялась по стене и вышла на крышу, где распустилась маленькими серебряными цветами, похожими на звёздочки.

Грэм сорвал цветы. На следующее утро их было вдвое больше.

Он написал в журнал: «Растительность агрессивна. Требуется системный подход». И пошёл к ручью за водой, потому что его фильтр снова засорился чем-то, что пахло тёплым молоком.

У ручья он увидел следы. Не грайсские. Не чьи-либо из знакомых ему видов. Маленькие, лёгкие, с характерным рисунком — три пальца и круглая пятка, похожая на отпечаток цветка. Ольхийцы оставляют именно такие следы — Лили потом расскажет ему это, но пока Грэм стоял над следами и испытывал чувство, которое на грайсском языке называлось «недопустимое вторжение на территорию, ранее объявленную».

Он вернулся в модуль, запер дверь (которая не спасала от травы, но от людей — вероятно, да) и написал в журнал: «Обнаружены следы предположительно разумного вида. Рекомендуется установить периметр».

Периметр он начал ставить на следующий день, но не за-

кончил, потому что в этот день с неба упал корабль.

Глава 3, в которой двое встречаются и не договариваются

«Колыбель-7» приземлилась в трёхстах метрах от холма Грэма. Лили выбрала место по интуиции — ольхийцы всегда так выбирают, и обычно это работает, потому что интуиция ольхийцев — это не мистика, а подсознательный анализ семнадцати параметров окружающей среды, о которых их сознание не подозревает. Триста метров — это было близковато, но не агрессивно. На Ольхе считалось, что расстояние в триста метров означает: я вижу тебя, я признаю твоё существование, но мне нужно время.

Лили шла к холму полчаса. Серебряная трава расступалась перед ней и смыкалась за спиной, словно вода. Маленькие цветы — те самые, что так раздражали Грэма, — поворачивались ей вслед, как подсолнухи. Воздух пах так, что хотелось дышать им вечно. Два солнца стояли уже высоко, и тени от них были короткими и густыми, как дрожки на шкуре зверя.

Грэм стоял у своей маркизы. Руки скрещены на груди. Правый — жёлтый — глаз смотрел на Лили. Левый — серый — смотрел на её следы, которые вели к нему.

— Добрый день, — сказала Лили.

— Это не ваш день, — ответил Грэм.

Лили моргнула. Она не сразу поняла, что это значит. По-

том поняла: грайсцы так говорят «вы здесь незванный». На Ольхе это было бы грубо. На Грайсе — нормально. Лили решила, что она не на Ольхе и не на Грайсе, а на Гамме, и что здесь, возможно, ни один из обычаев не работает.

— Меня зовут Лили, — сказала она. — Я ольхийка. Мой народ ищет новый дом. Эта планета умеренно пригодна для нас.

— Меня зовут Грэм, — ответил он. — Я грайсец. Мой народ тоже ищет новый дом. Эта планета объявлена мной первой. Здесь есть периметр. Вы находитесь за его пределами, что хорошо, потому что внутри — нельзя.

— Периметр? — Лили посмотрела на холм. Периметр состоял из четырёх столбиков и куска маркизной ткани, которая хлопала на ветру. — Это периметр?

— Это начало периметра, — Грэм позволил себе лёгкую обиду в голосе. — Я только начал. У меня есть план.

— У меня тоже есть план, — сказала Лили.

— Какой?

— Жить здесь.

Грэм посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который только что сказал что-то одновременно очевидное и недопустимое.

— Здесь нельзя просто жить, — сказал он. — Здесь нужно устанавливать порядок. Законы. Распределение зон. У меня есть карта.

— У меня есть ноги, — сказала Лили. — Я прошла по

этой земле, и она мне понравилась. Она мягкая. Она пахнет. Трава на ней двигается, и это не агрессия, это... разговор.

— Трава агрессивна, — возразил Грэм. — Она растёт сквозь пол.

— Тебе не нужен пол, — сказала Лили.

— Каждому нужен пол, — ответил Грэм с такой убеждённой уверенностью, что Лили рассмеялась. Смех у неё был тихий и колющий, как серебряная трава. — Что? — спросил Грэм.

— Ничего, — сказала Лили. — Просто у нас очень разные представления о том, что нужно каждому.

Они стояли друг напротив друга на склоне холма. Между ними — триста метров серебряных полей и четыре столбика периметра. Два солнца светили в спины, отбрасывая четыре тени. Мурлыкал ручей. И где-то в глубине планеты, под корой, под почвой, под тем, чему нет названия, что-то слушало.

Глава 4, в которой Лили обустроивается по-своему

Лили поставила свой лагерь у подножия холма, в трёхстах метрах от периметра Грэма. Она не стала ставить модуль — модули казались ей нелепыми на этой планете, как нелепы ботинки на человеке, который гуляет по бархату. Вместо этого она расстелила на земле ольхийский коврик — лёгкий, тёплый, сплетённый из волокон, которые хранили память о ладонях её матери — и легла.

Земля была тёплой. Не от солнц — от себя. Тепло шло снизу, ровное, глубокое, как дыхание. Лили прижалась ще-

кой к почве и слышала: что-то похожее на сердцебиение. Медленное, редкое — один удар на три её вдоха. Планета дышала.

Ольхийцы всегда так делали: ложились на землю и слушали. На Ольхе земля говорила тихо, едва слышно, шепотом уставшего старика. Здесь земля говорила уверенно, густо, басом. Лили закрыла глаза и стала слушать.

Ей приснился сон, который не был сном. Она увидела планету сверху — не из космоса, а изнутри, словно смотрела глазами самой планеты. Она увидела серебряные поля, и оказалось, что это не трава, а сеть — тонкая, живая, связывающая каждый корень с каждым, передающая сигналы от одного края планеты до другого. Она увидела фиолетовую рощу и поняла, что деревья — это не деревья, а что-то вроде антенн, которые принимают свет двух солнц и перерабатывают его в то, что местная почва использует как пищу. Она увидела мурлыкающий ручей и осознала, что он не мурлычет от хорошего настроения, а разговаривает с корнями, проходящими под его руслом, передаёт им минералы и получает взамен воду из глубоких слоёв.

Планета была единым организмом. Не в метафорическом смысле, а в самом буквальном: всё на ней — от серебряной травы до мурлыкающего ручья — было частью одной системы, которая жила, дышала и, кажется, думала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.